

Рх 75
С-89

187
СН
Н. О. СУМЦОВЪ.

Г. О. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его).

(Оттиски изъ журнала „Кіевская Старина“).

КІЕВЪ.

2
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1893.

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Шифр РТ57(2); С89 Инв. № М 368060Автор Сумцов Н. Ф.Назва Г. Ф. Квитка, какэтнограф.Місце, рік видання К., 1893.Кіль-ть стор. [2], 25с.

-\\- окр. листів _____

-\\- ілюстрацій _____

-\\- карт _____

-\\- схем _____

Том _____ частина _____ вип. _____

Конволют: _____

11.02.2004.

Модя -

Н. О. СУМЦОВЪ.

Г. О. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ.

По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его).

(Оттиски изъ журнала „Кіевская Старина“).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1893.

Т5Г(2)1А Квітка

+ Ш5 (2=4к) 151-4...3

Дозволено цензурою Київ, 24 августа 1893 года.

Г. О. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его).

Имя Г. О. Квитки—Основьяненко извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. О. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи инициатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постоянного харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала („Украинскаго Вѣстника“), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія (Листы до любезныхъ земляковъ“). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную бібліотеку (*Харьков. Сборн.* 1884 г. стр. 421, 423). Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно при этомъ замѣтить, что Квитка, человекъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и

даже съ оттѣнкомъ пренебреженія—на этнографическомъ элементѣ въ сочиненіяхъ Квитки.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти текущаго столѣтія. О томъ, какъ обрисовано въ повѣстяхъ Квитки харьковское дворянство стараго времени, я уже говорилъ въ „Кіевской Старинѣ“ (1884, VI). Въ настоящее время обрисовка эта имѣеть, разумѣется, почти исключительно историческое значеніе. Иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерцанія квиткинскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій болышею частью сохраняютъ живое значеніе и, слѣдовательно, имѣютъ этнографическое и современно-бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того, въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а вслѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патреть, Мертвецкій велыкдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ весьма немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти „Щира любовь“, несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсами, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксань, такъ какъ эти мягкіе и нѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями торгашескими,

фабричными и желѣзнодорожными. Въ повѣсти „*Пархимово Свиданье*“ есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Насти. Эта Настя все множилась, поглощала Марусь и Оксань, и теперь черезъ 50 лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгороднихъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова, почти исчезая изъ народной среды приблизительно на 20 или 30 верстъ разстоянія отъ города и въ сторону отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи на село, женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. „А зубата була! Вже не заидайся зъ нею ни хто. Тилько зачепы їи, такъ разомъ якъ залящуть, затрещуть, загомонять, перекоренять батька и матирь и увесъ ридь, и такихъ прикладокъ поприкладае, що и не додумаешся, видкиля вона усего набралася. И вже їи ни за що не переговоришь“.

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ „первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова“ (*Отчетъ о 29 присудж. наградъ гр. Уварова* 97).

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени

питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинныя мѣстные кустарные промыслы: корскій, шаповальскій, скринницкій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишнее интереса и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. „Маяка“ 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Конст. Сементовскаго о малороссійскихъ народныхъ праздникахъ съ цѣнными дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малороссійской старины; „многоуважаемый писатель нашъ, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ намъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи“. Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малороссійскія повѣсти Квитки.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ рассказовъ.

Въ статьѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ.) гораздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кiev., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитированной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго рукомерла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотниковна“ (на рус. яз.) Квитка рисуется такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполне отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Меглинскаго и Чубинскаго:

У нашего пана хороша пани,
Богъ ёму давъ славу жену въ ёго
дому!

По двору ходить, якъ мисаць сходить;
По синцахъ ходить, якъ зоря сходить.
Садыла сыны въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.

Сыночки зрослы — у школу шшли,
А дочки зрослы — у швачки шшли,
Сыночки идутъ — кныжечки несуть,
А донечки идутъ — хусточки несуть:
Кныжечки на стилъ, батевку до нигъ
А донечки хусточки на пиль, матюнци
до нигъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно-лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки

крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочери—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похваляется уже и самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ опереткѣ „Сватанье на Гончаривци“ дивчина Уляна говоритъ: Хиба паны и брешуть? Вони сего не вміють и надь дивками не будуть гнущатись. Вони письменни. Въ повѣсти „Маруся“ старикъ Наумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти „Божи диты“ Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти „Ярмарка“ по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ приѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: „А чья эта шерсть“? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: „Овеча“. „Дуракъ“! кричитъ барыня. „Я спрашиваю какого пана“. Михаила Петровича“. „Да какого“? Нашего. Гей, цобе, сирый, цобе? и, хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти „Добре робы“ отмѣчена мимоходомъ такая черта народнаго характера: „Вы паны“, говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, и все хотите попанськи робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси знали, що

вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лышній жывемо, и лышню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своеи трудовой копійки жалко“.

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, склонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказываются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотопська видьма). Въ повѣсти „Божи диты“ старики крестьяне обнаруживаютъ жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судить о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболее своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подкраскѣ и преувеличеніи, и провѣримъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ „*Ложныхъ понятіяхъ*“ (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатою, съ комнатою и черезъ сѣни противной комнатою; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоневыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевыя очищи, газетовыя кораб-

лики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружевами, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ „залку“. Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ обладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ Борисовской и Суздальской школы. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампы затепляются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ наверху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ „гостиненку“, дверь налѣво—въ опочивальню. Последнюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ „кухоньку“, а изъ последней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, „упокій“, предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже заниматься „мужицкимъ промысломъ“, т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ „Ложныхъ понятіяхъ“. Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, об-

лекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что „ему такъ не посчастливилось“.

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ „Запискахъ“ о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы текущаго вѣка (годы наблюдений Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, емѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранился почти исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы

совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мѣрѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46).

Нѣтъ надобности доказывать, что среди алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенко предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стовбыря Квитки.

Въ повѣсти „*Малороссійская быль*“ Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокомеріе, презрѣніе къ отцу и всему родному. „Житы по-людьски“ стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ современныя ему бытовыя явленія. Т. II. Пассекъ въ своихъ запискахъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузь—романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ „Віють витры, віють буйны“ или „Стоить яворъ надъ водою“. Если слышалось

„Солнце низенько“, значить Тузь настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ „Удовыцю я любывъ“.

Вообще, дѣйствующія лица квиткинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти „Добре робы“. Тихонъ Брусъ—„старъ чоловікъ“, уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ „розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нимъ выхвачувався“. Отличительная его черта—широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. „Объ анахтемьскому барышеви“ онъ не помышляетъ. Брусъ—крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, сѣздивъ въ Курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его безплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ“, що коли що надумавъ то, хоть споръ, хоть лайся, а вже винъ одъ свого не отступытця. И вже не буде багато говорыты та намагатысь, а мовчки зробыть якъ хотивъ“. Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, „заразъ одъ усякого двора вышло по женцю и у одинъ день увесь ланъ Тыхонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклалы. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жодень хозяинъ принисъ або приславъ ему по новому хлибови.— Се було на самого Прокипця. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и повалывъ народъ до Тихона..... Чоловиекъ увійде, помо-

лытця, хлибъ святой положе, та Тыхонови и прыпаде до нигъ и скрызъ слезы говорыть: „Прыми, дядьку, хлибець святой, що черезъ тебе Богъ пославъ мени съ семьею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастливую году“ Тамъ дытына вбизыть, та тежъ хлибець несе..... Тамъ увйде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою..... Другой прекрасный „старъ челоувикъ“—Захарій Скиба (въ повѣсти „Божи диты“). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученіе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишній грошикъ—купить въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать наравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькій.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика Наумъ Дротъ (въ повѣсти „Маруся“), тарановскій сотникъ Миронъ Петровичъ (въ повѣсти „Панна Сотниковна“) и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ „Щира любовь“). Всѣ они отличаются теплымъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣніе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянія. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день готовятъ узваръ и кутю? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминаніе того, что Иисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленіе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновеніемъ при рожденіи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ чегонибудь выпить за здоровье новорожденного. Таранецъ—человѣкъ мягкій и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщинъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманія честная и разумная Векла Ведмедиха (въ повѣсти

„Сердешна Оксана“). Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея сказалося въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечтается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни объ чимъ и не думаетъ, а боитца, щобъ дытына не занедужала, и стала ии на цичь покладаты и кожухомъ укываты и водою наповаты“.

Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый оболститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанской наложницей; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ Ведмедихѣ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи роднаго села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашель Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой; теперь онъ увидѣлъ передъ собой что-то худое—прехудое, сухое, блѣдное. Петро пошелъ къ ней, разговорился, и подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться къ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду катеринскую плахту, свиту и очипокъ, да и пройдемъ по заглицами къ священнику, пусть насъ обвѣнчаетъ. Ведмедиха, видѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ елѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена“.... „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немного споткнулась. Что ни рассказывай о капитанѣ, а и ты виновна.... „Ну та дарма, се забуваю и ни объ чимъ згадуваты не буду, мовъ дивкою тебе беру“.

Въ повѣсти „Перекотиполо“ находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работающаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану

нема, чи хто тебе знае!“—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та, знай багатіють, а ты ось ньякъ не раздобудеся ни на що, щобъ початы господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато писля батька, те потратыла женючи тебе, думала, описля заробымо, невестка поможе. Невестка жъ ничъ и день робыть, а я звалылась соби на лыхо. . . . тутъ пійшлы диты; хлопчыкови вже шостый годокъ; попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а исты просяты, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы“. Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду роднаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелець, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. И. Костомаровъ въ „Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ“, помѣщенномъ въ „Молодикѣ“ 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти „Вотъ Любовь“ и въ драмѣ „Щира любовь“. Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасеній, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женитьбу на мужичкѣ. Что-бы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіи выходитъ замужъ за отцовскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не можетъ и потому чахнетъ и умираетъ. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что „Галочка всегда идеаль, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ довести глубокое чувство, при здоровомъ состояніи другихъ способностей“. Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты, чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно,

это была излюбленная мысль Жуковского, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человекъ, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти „Козирь—дика“. Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бубликами, которые господами „судящими“ были охотно приняты. Ничего не помогало. Неутомимая Ивга дошла до губернатора, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга—живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная, ее никто не одурить, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся—прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только слышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставитъ свѣчу. На свадьбѣ своей подруги она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василя и полюбила его. Василь не былъ холоденъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его отсутствіи, простудилась и умерла. Содержаніе повѣсти просто, несложно. Однако, повѣсть „Маруся“ при своемъ появленіи произвела сильное впечатлѣніе: ея зачитывались, надъ нею плакали. Квитка раскрылъ передъ читателемъ душу чистой дѣвушки, ввелъ его въ таинственный міръ женскаго сердца, бьющаго неистощимымъ родникомъ обиль-

наго чувства. „Се не Маруся въ насъ передь очима, говорить Кулишь, се наша юность, се тїи дни святы, приснопамятні, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ серци.... Красень Божій міръ, а ще краща душа чоловіча, и тягне вона насъ до себе непобидимою силою. Велики скарбы своєї благодисти розсыпавъ Богъ у своєму красному мирови, а ще більшими скарбами збогатывъ чоловічу душу. И не того намъ хочеться жыты, щобъ тилько на Божій миръ дывытись: бильше намъ хочеться душею въ чужи души входыты и благодатні скарбы на скарбы миняты“.

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Ганнуся имѣють сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безотвѣтной наложницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безотвѣтную рабу, она собралась съ силами и бѣжала отъ негодяя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застѣнчивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Ганнуся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застѣнчива. Она трудолюбивѣ ихъ обѣихъ. „Се сокровище, а не дивка, говоритъ о ней старая Запорожчиха. Послушна, работаща, ни съ кимъ ни залається, ни засварится. А щобы, когда пишла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Тилько и прогулки, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевъ, на Ивана въ Основу“.

Болѣе живучимъ оказался женскій типъ Насти, о которомъ была уже рѣчь въ началѣ статьи. Въ основаніи многихъ рассказовъ Квитки лежать народныя сказки. Содержаніе рассказа „*Перекотиполе*“ хорошо извѣстно. Мужикъ Трохимъ шель домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелець Денись Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлью грабежа. Умиравшій Трохимъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему степнымъ вѣтромъ траву перекотиполе.

Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохыма перекотиполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработала народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохыма и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершенія преступленія.

Въ уманскомъ уѣздѣ кievской губ. записана весьма сходная сказка о перекотиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокой ярь и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: „прощай перекотиполе; та гляды, будешъ мени свидокъ“. Убийца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала (*Рудченко*, Народ южнор. сказки, I № 79).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка „Ковыль-трава“ слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковыль-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня!“ Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мужъ признался, и потомъ жена за побори выдала его властямъ (*Садовниковъ*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодаго поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: „плодь этого одинокаго дерева заговорить и обвинить убійцу“. На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король. Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ (*Владиміровъ*, защитит. рѣчи, 450).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійць поэта Ивика уличили журавли, вполне соответствующіе перекотинолю и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подносить намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій рассказъ „*Пидбрехачъ*“, напечатанный впервые въ „Молодыѣ“ 1843 г., представляетъ передѣлку, а можетъ быть простую передачу народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что „недобре дило брехаты“, фабула рассказа состоитъ въ слѣдующемъ: „Просывъ Пархимъ Остапа, щобъ пійшовъ за него старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный хочъ куды. Остапъ—ничого робыты, каже: „Добре пійду, абы-бъ товариша зиськаты.

Зострився въ Самійломъ.

„Здилай мылость, Петровичу Самійло“, каже Остапъ: „ійды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

— Та чы зьумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дили!

„Та воно нетрудно“, каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають; а безъ брехни вже не можно! Я забрешу на палець, а ты пидбрехуй на цилый локоть; то й закинчаемъ дило, зашьемо могорычи; а молоди описля нехай жыють, якъ знають“!

— Добре, Остапе. Зьумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою“. Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святей пидъ плече, палыччи у руки, пишлы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяину поклонылыся и почалы казаты законны речи про порошу, про князя, про куныцю,—и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврины усе слухають; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

„Та у нёго чымало е чого“, каже першый староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачь. У нёго усёго е багацько.

„Е й волыки“.

— Та яки волыки? такы настоящи волы.

„Е й овечата“, почына першый староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

„Е й хатына“.

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

„И у господарстви недуже дае кому воли“.

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкають, що таке добро достанетця ихъ дочки; та й почалы пытаты, хто ыменно парубокъ.

„Отъ колы знаете, Пархимъ“, сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

„Э! се-бъ-то той кривый на ногу?“ спытала маты Хиврина.

„Та винъ такъ трошкы хрома, на одну ногу“—сказавъ першый староста.

— Де то хрома? и не на одну, а винъ и обома нездужа ходыть! пидправывъ пидбрехачь.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

„Такъ, выще по-трошку, колы-та-колы“, каже Остапъ.

— Де-то-вже колы та-колы? такы по-всякъ день; и такы не потрошку, а пье, поки звалытця.

„Та троха чы не косый?“ пыта батько Хивринъ.

— Та такъ, косенькый на одно око, каже староста.

„Де-то-вже на одно? и не косенькый овси; винъ и обома ничего не бачыть!“

„Та, кажуть, щось-тамъ нашкодывъ, чы не буде ёму биды?“ допытуетця батько.

— Яка тамъ беда? Може провчатъ трошкы, сказавъ староста.

„Якъ-то можно трошкы? Ёго такы гарно катъ кнутомъ попобье, та й на Сыбирь зоплють“, закинчавъ пидбрехачь...

Писля такой розмовкы, що батькови и матери Хиврынымъ робыты? Выпродылы нечестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бенкетъ, що за такого жениха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й по-виѣ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идутъ вмѣстѣ брехачъ и пидбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ, что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у пидбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Пидбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ ней заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а пидбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ пни той гречки (*Kolberg, Rokucie, IV № 52*).

Въ бѣлорусской сказкѣ „Лгала и Палагала“ выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и пидбрехачъ. Здѣсь они лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжець, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку—ковригой хлѣба, пидбрехачъ—двумя волками, двумя ковригами. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а пидбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за качанъ этой капусты, и желѣзная ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огородникамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солнца невидно, а пидбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжець сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ пономаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяць въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глупые плотники повѣрили. (*Добровольскій, Смолен. сб. 665—669*). Послѣдній мотивъ взятъ уже изъ другихъ сказокъ—о глупыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.).

Сходная польская сказка у *Кольбера* Lud XIV 348.

Содержаніе разсказа „*Мертвецкій Великденъ*“ состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось поль-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Татъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторые подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*“ былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: „На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ „запусты“, послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница“.

Разсказъ „*Конотопська видьма*“ построень всецѣло на преданіяхъ историко-бытоваго характера. „Якъ же намъ, панъ Рыгоровичу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятись, щобъ вони вернули дощи и щобъ намъ не наробылы описля якои каности?“—спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. „Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: „Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенныхъ, а у гори позвѣязано верѣвками, та впять, якось то хытро та мудро переплutowано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а вони не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ, не сети и не вѣтери, а те жъ верѣвки... Калавурны стерегли низку видѣмъ и прыдывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекинувшысь або сорокою, або свинею, та не дала бъ дѣру“... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ паламъ, подвязываютъ ее къ веревкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду (*Квитка*, Малор. пов. I, 197—214).

Въ лудкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго не было дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой (*Чуб.* I, 26). Припомнимъ здѣсь, что и въ „*Конотопской вѣдьмѣ*“ Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, „хлопци отчесали терновыми“. Въ Угорской Руси во время засухи заставляють женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно броса-

ють ихъ въ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе (*Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣс. 25).

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топленіе вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали накрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинной (*Антоновичъ*, въ „Трудахъ“ Чубинскаго I 347). Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г. (*Афанасьевъ* Поэт. возвр. III 511). Въ „*Культурныхъ переживаніяхъ*“ подъ № 4 мы подробно останавливались на топленіи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій „Божій судъ водой“—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топленія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обзор.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы „*На пуцанья якъ завязано*“ и „*Пархимове сніданья*“ написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ „*Знахарь*“ (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти „*Маруся*“ отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя— „побигла до знахарки, щобъ вмыла, або злызала; „бо се їи мабутъ зъ очей; або нехай переполохъ вылива, або трястю видшептуе; нехай що зна те и робыть“. Отецъ же Маруси Наумъ „заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыей жъ воды

трошки напытысь, а самъ підкурювавъ їи херувимськимъ великоднымъ ладаномъ“...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуаль, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсорттировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, гильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы первой половины текущаго вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка „Украинцы“, можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ „Подбрехачъ“ (по изд. 1887 г. II 193) и „Маруся“ (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ „Козырь—дивка“ (II, 87—91) и въ „Сватань на Гончаривци“.

Описаніе вечерницъ находится въ повѣсти „Маруся“ (I 34) и въ „Пань Халявскомъ“.

Похороны дѣвушки изображены въ „Маруся“ (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ рассказъ „Панна Сотниковна“.

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ „Маруся“ (I 77, 80) и „Отъ тоби и скарбъ“ (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ „Божія дѣти“ и „Панна Сотниковна“.

О ярмаркѣ въ „Солдатскомъ патреть“, „Пархимовомъ снідань“ и отчасти въ „Ярмаркѣ“ (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малоруссовъ (въ „Украинцы“ и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ—трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, „не одна обѣщалася дванадцять пятанокъ говиты, не исты и не пыты ничого;

не—одна тихенько видъ матери по пятинкамъ пряла на свичечку“... („Божи диты“ II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видъ сыраго этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было признано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и Харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ годамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорускаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ—сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стобъри, Харьки, Настя стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; напримѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повторяется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

